«САМОУБИЙЦА»

Дети артистичны до чрезвычайности.

Вот такой был случай.

В кабинет заведующей отделением стремительно вошла старшая сестра. Вид у нее был рассерженный. За руку она вела девочку лет семи.

— Вот полюбуйтесь, Клавдия Николаевна, что удумала эта красавица из пятой палаты! Все уже поели, разошлись, а она все сидит, ковыряет ложкой кашу. Я отругала ее, так она встала из-за стола и направилась на кухню. Я за ней. Что, говорю, тебе надо на кухне? А она: я за ножиком. Зачем, спрашиваю, тебе нож понадобился. Так знаете, что она мне сказала? Говорит, горло себе сейчас перережу.

— Что?! — в один голос воскликнули мы с заведующей.

— Несите мне ее историю болезни, сейчас буду звонить матери, пусть забирает,— решительно сказала заведующая, когда немножко опомнилась от услышанного.— Этого нам еще не хватало. Убегают, дерутся, а мы за них отвечай. Теперь самоубийцы объявились.

В самом деле, работа в отделении для детей старшего возраста дело хлопотное. Бывает, и убегают из отделения, потом разыскиваем их через милицию. Летом из окон открытых высовываются, а наше отделение на третьем этаже. Хоть и девчонки, подраться могут. К старшим вечером приходят молодые люди. Сколько ловили на лестнице с сигаретой.

Позвонили из приемного покоя и позвали Клавдию Николаевну.

— Сиди здесь, я сейчас приду и займусь тобой,— сказала она, уходя вместе со старшей сестрой.

«Сиди здесь» относилось к девочке, но я тоже остался в кабинете.

Девочка уселась на диван и с любопытством посмотрела на меня, как бы приглашая к разговору. На самоубийцу она нисколечко не была похожа. Ни удрученности, ни замкнутости, ни мрачности во всем ее облике не

было и в помине. Глаза смышленые. Лицо выразительное, оживленное.

— Как тебя зовут? — спросил я.

— Таня,— с готовностью ответила.

— Ты что же, Таня, в самом деле, шла за ножом на кухню?

— Ну, что вы — последовал ответ.— Я хотела их попугать. Мне просто надоело, что все меня здесь дергают: «ешь скорее, иди умывайся, иди получать лекарства, марш на процедуры». Я так не привыкла.

— Здесь же больница,— ничего лучше не нашел сказать я.— А к чему ты привыкла?

Девочка оживилась. Встала с дивана, подбоченилась и с детской грацией, жестикулируя, сказала:

— Я привыкла, что бы со мной обращались как с человеком.

— Мама и папа с тобой так и обращаются, как с человеком?

— Представьте себе, да.

— Да, ты, наверное, актрисой собираешься быть? — вдруг осенило меня.

— Вы угадали. Я хожу в драмкружок.

— И какие роли ты уже играла?

— Золушку,— сказала она и сделала несколько танцевальных «па» на цыпочках.

Мы оба рассмеялись. Я захлопал в ладоши. Она присела в книксене.

Эту сцену застала вернувшаяся Клавдия Николаевна.

— Что здесь за театр? Сядь на диван,— сказал она Тане.— Сейчас буду звонить твоей матери.

— Клавдия Николаевна, позвольте Тане идти в палату,— попросил я.

Заведующая вопросительно посмотрела на меня. Я многозначительно посмотрел на нее.

— Иди в палату и жди,— сказала она девочке.

Когда Таня вышла, я все объяснил.

— Ишь, артистка,— сказала заведующая.

Девочка осталась в отделении и выписалась после выздоровления.

ПОД БДИТЕЛЬНЫМ ОКОМ СОСЕДА

Это было в пору моей работы участковым педиатром. Я был молод и не забывал следить за своим внешним видом — костюмом, прической, обувью. На работу ходил с атташе-кейсом, как тогда говорили,— с «дипломатом» — плоским элегантным чемоданчиком. Хотелось «держать марку».

Участок мой располагался в рабочем предместье города. Еще были ба-

раки и коммунальные квартиры. Детей было много, и работы было много.

В тот день поступил вызов в один и бараков. Барак — это длинный одноэтажный дом со сквозным коридором, по обе стороны которого располагались жилые комнаты. От других видов человеческого жилья барак отличался тяжелой духотой, наполнявшей каждый его угол, и впечатлением человеческого муравейника из-за обилия жильцов.

Я позвонил в дверь. Открыл явно нетрезвый человек, примерно моего возраста, то есть еще молодой.

— К кому? — медленно выговаривая, недружелюбно спросил он.

— В двенадцатую,— ответил я и пошел по коридору, ища нужный мне номер комнаты.

Нетрезвый человек следовал за мной. Я слышал за спиной его тяжелое сопение и неуверенную поступь.

Найдя нужный номер, я вошел в комнату. Болел трехлетний мальчик. С ним была его мама. Этот тип женщин, населявших бараки, был мне уже знаком. Молодыми девчонками они выходили замуж, рано рожали детей, умели «держать в руках» начинавших спиваться своих еще молодых мужей. По-детски неопределенные черты их лиц быстро становились резкими и грубыми, как и их характер.

Я начал осматривать больного малыша. Он кричал, сопротивлялся. Пришлось попросить маму взять его на руки. Мы стояли с ней друг против друга, между нами был ребенок, горячую от высокой температуры спинку которого я выслушивал фонендоскопом.

Вдруг открылась дверь. На пороге стоял тот самый крепко подвыпивший парень, который открыл мне входную дверь.

—Тебе чего, Леха? — спросила, не оборачиваясь, молодая мама.

Леха ничего не сказал, только вялым движением пьяного человека погрозил мне пальцем и закрыл дверь.

Я закончил осматривать ребенка, сел за стол и стал выписывать рецепты на лекарства.

— Пройдет? — спросила мама ребенка.

— Пройдет,— сказал я.

Затем поднялся и стал объяснять, как принимать лекарства.

В этот момент дверь открылась снова, и Леха во второй раз обозначился в дверном проеме.

— Опять ты,— раздраженно сказала молодая женщина.

— Людка, он к тебе не пристает? — заплетающимся языком промолвил Леха.

— Да пошел ты! Надоел,— последовал ответ.— Закрой дверь.

Надоедливый сосед послушно закрыл дверь, перед этим успев погрозить мне пальцем.

Закончив объяснения, я вышел в коридор и направился к выходной двери. Меня сопровождал Леха. Покачиваясь, он шел рядом и говорил.

— Людка — жена моего кореша. Понял, да? А сегодня я в отгуле. Малость поддал, понял, да?

Он сопроводил меня до самого выхода и долго закрывал за мной дверь.

«Легко отделался»,— подумал я. Месяц назад в соседнем бараке избили Марию Ивановну с «неотложки». По пьянке, конечно. Теперь на вызовы ее сопровождает шофер с воротком*.

«МАЛИНОВКИ ЗАСЛЫШАВ ГОЛОСОК ...»

На ежедневной утренней пятиминутке ординатор Наталья Петровна, между прочим молодая, привлекательная девушка, доложила, что вчера вечером в отделение поступил новый больной.

— Мальчик пяти лет. Подозрение на гломерулонефрит. Красную мочу заметила мама. Состояние ближе к удовлетворительному.

После паузы добавила:

Знаете, ну, прямо ангелочек. Волосики белые, глазки синие, а на вид — маленький мужичок. Из деревни привезли.

Наталья Петровна недавно окончила институт, «безумно», как она говорила, любит детей и в каждом видит либо Маленького Принца, либо Дюймовочку, в зависимости от пола.

Через пару дней, на очередной утренней пятиминутке Наталья Петровна объявила:

— Вы знаете, Павлик, из двенадцатой палаты, ну, тот, который из деревни, с макрогематурией, так здорово поет. Прямо как Робертино Лоретти, если помните. Пойдемте, послушаем.

Те, кто пошел, рассказывали, что парнишка и в самом деле поет отменно. Особенно у него хорошо получается «Малиновки заслышав голосок...».

Наталья Петровна ставила его на стул посреди палаты. Он пел, ему хлопали — врачи, медсестры, мамы, которые были со своими больными

---

* Вороток — ручной инструмент для зажима и вращения некоторых видов режущего слесарного инструмента: метчиков, плашек, разверток, зенкеров и т.п. Виды воротков: для зажима инструмента с квадратным хвостовиком, для резьбонарезных плашек, гаечный ключ в виде воротка... http://ru.wikipedia.org/wiki/Вороток

детьми. Приходили из других палат.

«Малиновку» заставляли петь «на бис». Говорили, пел уж очень проникновенно, голосок так и звенит-переливается.

Прошло еще несколько дней, и Наталья Петровна огорченно объявила на одной из пятиминуток:

— Вы знаете, Павлик — ну, тот, из двенадцатой палаты, с так называемой макрогематурией — свеклой его накормили,— матом ругается.

— Как, матом?! — удивились все, кто видел и слышал, как поет этот маленький ангелочек-мужичок.

— Его попросили спеть «Малиновку», хотели поставить на стул, а он говорит — «пошли вы на…».

— Куда, куда? — переспросили самые непонятливые.

Наталья Петровна восприняла вопрос серьезно.

— Ну-у…— протянула она, и щеки ее стали красными, как свекла, которой перекормили ее Маленького Принца.

— На «икс», «игрек» и «и краткое»? — то ли с вопросом, то ли в шутку, подсказал один из молодых ординаторов, Дмитрий Иванович, одновременно с Натальей Петровной пришедший в отделение.

—Дмитрий Иванович…— с укоризной остановила его заведующая отделением.

И сама пошла, послушать деревенского Робертино Лоретти.

Через пять минут она вернулась. Мы еще не успели разойтись после пятиминутки и оживленно обсуждали особенности деревенского быта.

—Да,— сказала заведующая,— и меня послал. Куда, не скажу. Нельзя же так надоедать человеку: спой, да спой. Не игрушка же.

По прошествии недели стало ясно, что никакого гломерулонефрита у Павлика нет. Моча, в самом деле, приобрела красный цвет от красной свеклы, которой в избытке накормила его мать.

В биохимическом анализе крови мальчика оказался повышенным холестерин, и его решили показать на обходе профессору.

Наталья Петровна доложила историю болезни и не преминула сказать, что ее подопечный хорошо поет, особенно «Малиновку».

Поэтому, когда привели мальчика для осмотра в ординаторскую, где у нас проходят обходы, ничего не подозревая, профессор спросил:

— Спой нам что-нибудь, Павлик. Говорят, ты хорошо поешь «Малиновки заслышав голосок»?

Мальчик набрал воздух в грудь...

Но тут заведующая, глянув на Павлика с нахмуренными бровями,

быстро приложила палец к своим губам.

— Что такое? — спросил профессор.

— Он может матом выругаться,— быстро пояснила заведующая,— если его попросить спеть «Малиновку».

Так и осталось неизвестным, собирался ли мальчик запеть или …

Обсудив историю болезни и придя к единодушному мнению о диагнозе, пригласили родителей ребенка.

После того как объяснил, почему у Павлика была красная моча, профессор сказал родителям:

— Матом он у вас ругается, нехорошо.

— Это вы ему скажите,— ответила мама ребенка, показывая на мужа.

— А что? — невозмутимо ответил отец мальчика, синеглазый, белокурый, косая сажень в плечах.— Я не ругаюсь. Это просто так.

На том и разошлись, каждый оставшись при своем мнении.

А мы еще долго вспоминали Павлика, напевая неотвязчивый мотив «Малиновки заслышав голосок …»